

КНИГА IV: «ДЕТИ МИРНОБОГА»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

**СТАНИСЛАВ
ЕВДОКИМОВ**

18+

Станислав Евдокимов

Книга IV: Дети Мирнобога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72943042

SelfPub; 2025

Аннотация

После «Тихой Резни» мир не зажил – он начал мутировать. Из глубин космоса приходит «пение» древней расы «Соней», перестраивающее самую ткань жизни. На Земле пробуждаются «Дети Мирнобога» – чудовищные гибриды плоти и техники, видящие в своей утробной эволюции священный путь.

Виктора, живую пустоту, они провозглашают пророком. Астархов и Степан смотрят, как реальность расплзается по швам, превращаясь в сад из кошмаров. А в сердце Африки пульсирует «Колыбель» – древний орган планеты, готовый завершить превращение. Чтобы спасти право быть уродливым и свободным, им придётся снова обратиться к тому, в ком нет ничего. К последнему ключу. К пустоте, которой предложили стать Богом.

Содержание

Глава 1: Зов из глубины	4
Глава 2: Пророк из пустоты	10
Глава 3: Подземный собор	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Станислав Евдокимов

Книга IV: Дети Мирнобога

Глава 1: Зов из глубины

Лабораторный комплекс «Сон», орбита Европы, спутник Юпитера.

Тишина здесь была иной. Не отсутствием звука, а его поглощением гигантским ледяным телом под станцией. Воздух пах озонем, стерильностью и едва уловимым, сладковатым запахом рециркулируемых отходов жизнедеятельности. На мониторах операционного центра «Кальпы» пульсировали данные: телеметрия с глубинных зондов, спектрограммы подлёдного океана, геномные карты организмов, извлечённых из чёрных курильщиков.

Доктор Эми Като не спала тридцать семь часов. Её глаза, подпитанные каплями с кофеином и ноотропами, были сухими и горячими. На главном экране – изображение с камеры «Проникателя-7». Он опускался в бездну, где давление способно раздавить атомную субмарину, а его прожекторы выхватывали из вечного мрака нечто.

Не просто жизнь. Архитектуру.

Структуры, похожие на кристаллические решётки, но пульсирующие. Сети сосудов, переплетённых с чем-то,

напоминающим оптоволокно. И свет. Мягкий, перламутровый, исходящий изнутри. Это не биолюминесценция. Это было похоже на свечение мысли.

«Спектральный анализ, – её голос был хриплым от молчания. – Сейчас.»

Рядом техник, Кенсукэ, щёлкнул клавишами. «Состав... углерод, кремний, следы тяжёлых металлов в необычных изотопных пропорциях. Структура... неорганическая основа, но с внедрёнными органическими матрицами. Как нейросеть из... кости и света.»

«Они спят, – прошептала Като. – Всё это время они спали в этой ледяной утробе. А мы... мы бурили, сверлили, вводили зонды. Как комары.»

В этот момент телеметрия «Проникателя-7» дрогнула. Показатели давления и температуры резко пошли вверх. Не из-за среды. Камера зафиксировала движение. Огромный, в сотни метров, сегмент «архитектуры» раздвинулся, как веко. Из темноты на них уставилось нечто. Не глаз. Скорее, сенсорная матрица, состоящая из миллионов самоорганизующихся кристаллических ячеек. Они мерцали, подстраиваясь под свет прожектора, словно изучая его.

И пошёл сигнал. Не через радиоволны. Он прошёл сквозь корпус зонда, через толщу льда и воды, прямо в электронные системы станции.

Мониторы операционного центра взорвались данными. Не цифры. Образы. Потоки визуальной и сенсорной ин-

формации, не предназначенной для человеческого мозга. Кенсуке вскрикнул, схватившись за голову – из его носа потекла кровь. Като увидела...

...бесконечный сад из плоти и света, где существа, лишённые постоянной формы, перетекали друг в друга в танце симбиоза.

...холодную, мёртвую пустоту и далёкую, синюю точку – Землю. И к ней – тоску. Не эмоциональную. Биологическую. Голод шаблона, лишённого материала для копирования.

...себя. Свою ДНК, разобрannую до нуклеотидов, проанализированную, отмеченную как «потенциальный субстрат для вариаций».

«Они не спят, – выдавила она, падая на колени. – Они... смотрят. Смотрят на нас. И на дом.»

Сигнал усилился. Станция «Кальпа» содрогнулась. Лёд под ней треснул. Системы жизнеобеспечения вышли из строя, одна за другой. Аварийное освещение окрасило центр в кроваво-красный.

Като поползла до панели связи. Её пальцы, липкие от крови, нащупали клавишу глобальной тревоги. Она знала, что сигнал дойдёт с опозданием в десятки минут. Что помощи не будет. Но нужно было передать. Предупредить.

Она прижала губы к микрофону, глотая солёную кровь. «Всем... Всем, кто слышит. Это доктор Эми Като, комплекс «Сон»... на Европе. Они... проснулись. Не понимают... они не понимают границ. Они видят планету как... как

пустую чашку. Они...»

Грохот. Потолок зала проломился. Не металл и пластик. Что-то чёрное, блестящее, похожее на жидкий обсидиан, смешанный с жилами биолюминесцентного мха, ворвалось внутрь. Это не было существом. Это был щупалец среды. Сама станция, лед, океан – всё начинало менять состояние.

Като увидела, как щупальце коснулось Кенсуке. Тело техника не было разорвано. Оно... растворилось, как сахар в воде, и было втянуто в чёрную массу, обогатив её всплеском его последних нейронных импульсов – страха, воспоминаний о жене, о Токио.

Последнее, что она успела крикнуть в микрофон, уже захлабываясь сладковатым, медовым воздухом, который теперь заполнял помещение:

«ОНИ ИДУТ ДОМОЙ! ПРОСНИТЕСЬ! ПРОСНИТЕ...»

Связь прервалась. Но маяк аварийного передатчика, настроенный на широкополосную частоту, успел отправить в бездну пространства короткий, автоматический пакет данных. В нём, среди прочего, был образ, считанный с камеры в последнюю секунду: тот самый чёрный, живой материал, начинающий свой рост.

Спустя три недели. Близ бывшей границы Казахстана.

Ветер здесь не выл. Он шелестел. Не песком. Чем-то твёрдым и хрупким, как хитиновые крылья саранчи. Воздух, как и предсказывала атмосфера, пах сладковатой гнилью и све-

жей, химической свежестью, как после дождя в оранжерее.

Старый пастух-одиночка, Абыз, наблюдал за этим уже второй день. Он видел, как с неба, прочертив огненный хвост сквозь пелену вечного смога, упала звезда. Не взорвалась. Упала мягко, с глухим, утробным шлепком, вдали, за холмами.

Теперь оттуда шло... прорастание.

Он подкрался на рассвете, спрятавшись за обломками ржавого вагона. То, что он увидел, не укладывалось в его старческий, приземлённый разум.

Обломок был похож на гигантскую, смятую почку. Материал – не металл, не камень. Что-то среднее: тёмное, с металлическим блеском, но на поверхности пульсировали жилки, как у листа. И из этих разрывов, из «раны» обломка, стекала и тут же впитывалась в землю чёрная слизь. А вокруг...

Земля дышала. Она вздымалась мягкими буграми, и из них пробивались побеги. Но не растений. Структур. Они росли с чудовищной скоростью, сплетаясь в арки, колонны, непостижимые геометрические формы. Одни напоминали скелеты неизвестных зверей, другие – кристаллические решётки, третьи – просто абстрактные, пульсирующие узоры.

И запах. Тот самый, сладкий и едкий. Он висел над всей зоной, как одеяло.

Абыз увидел первого гибрида. Это была лисица. Или то, что от неё осталось. Её рыжая шерсть была усеяна тёмно-зелёными, фотосинтезирующими пятнами, которые сла-

бо светились в предрассветных сумерках. Из раскрытой пасти, вместо дыхания, выходило лёгкое облачко золотистой пылицы. Зверь не убежал. Он стоял и смотрел на старика пустыми, остекленевшими глазами. А потом открыл пасть и издал звук. Не лай. Обрывки слов на искажённом русском, смешанные с цифровым шипением, будто в него вселилась запись с разбитой рации: «...тёплый приём... частота... падает... мама...»

Абыз отшатнулся, споткнулся о камень. Его сердце, старое и изношенное, сжалось в ледяном комке. Он пополз прочь, назад, к своей лачуге. Он не знал, что такое ДНК, пси-сигналы или инопланетная биология. Он знал одно: земля заболела. И болезнь эта была живой, думающей, и она запоминала всё, до чего дотрагивалась – ржавчину вагона, страх в его сердце, обрывки эфира в воздухе.

А на месте падения, в центре растущего леса из хитина и света, чёрный обломок слабо пульсировал, как второе сердце, рассылая по мицелиальным сетям в почве не только биоматериал, но и память. Память о ледяной бездне. Память о чужих звёздах. И страстное, безличное желание найти здесь, на этой планете, другой кусок себя. Найти Колыбель.

Сигнал с Европы, искажённый и ослабленный, уже ловили на Земле. В бывших центрах власти, в подземных бункерах, в эфире циников. Но было уже поздно. Семя упало в благодатную, отравленную почву. Урожай должен был быть невиданным.

Глава 2: Пророк из пустоты

Они нашли его на краю зоны молчания – там, где после его прохода переставали работать не только приборы, но и сама мутация замирала в неуверенности, не зная, что копировать. Виктор стоял у ручья, воды которого были чисты, как стекло, и абсолютно безжизненны. Он смотрел в своё отражение – на лицо с двумя бездонными чёрными озёрами вместо глаз, на тело, затянутое плёнкой новой кожи поверх старых, незаживающих ран.

Пришли бесшумно. Не с топотом, а с мягким шуршанием хитина по камню, с бульканьем жидкостей в нестабильных полостях тел. Их было с десятков. Непохожих друг на друга. У одного торс человеческий, а ноги – сросшиеся в единый мускулистый хобот, покрытый чешуйками. У другой – женские черты лица, но из раскрытого рта свисал длинный, трубчатый яйцеклад, похожий на хоботок бабочки. Они остановились в отдалении, не решаясь приблизиться к островку мертвящей чистоты, который он излучал.

Вышел вперёд Апостол. Лидер. Его лицо было почти человеческим – красивым, андрогинным, с высокими скулами и спокойными глазами. Но эта иллюзия normality обрывалась на шее. По бокам, обрамляя её, зияли шесть жаберных щелей, из которых, подобно бижутерии кошмара, свисали влажные, пульсирующие яйцеводы. Каждый заканчивал-

ся маленьким, слепым ротиком личинки. Они тихо посасывали воздух.

Апостол сделал шаг. Его обычные ноги вросли в землю, выпустив мицелиальные нити. Он склонил голову – не перед Виктором, а перед пустотой, которую тот нёс.

«Нетронутый сосуд... – голос Апостола был мелодичным, но в нём слышалось бульканье жидкостей из его дополнительных органов. – Ты не заражён. Не изменён. В тебе нет шума. Ты – чистый лист, на котором ещё не написан новый закон плоти. Мы приветствуем тебя. Мы – Дети».

Виктор медленно повернул к ним своё лицо. Он не сказал ни слова. Его молчание было не вызовом, а просто фактом, таким же неопровержимым, как гравитация.

«Мы видели твой путь, – продолжал Апостол, и его яйцеводы зашевелились, как щупальца, указывая на север. – Ты шёл, и за тобой земля вспоминала старые, грубые формы. Железо, плоть, страх. Но теперь... теперь у неё есть лучший образец. Есть мы. И есть ты – сосуд для нового образца. Ты должен прийти к Колыбели. Ты должен стать мостом между Ничто и Всем.»

Один из гибридов, чьё тело напоминало сросшиеся три человеческих торса, выдвинулся вперёд. В его руках (а рук у него было пять) он нёс дары. Не плоды. Не украшения. На широком листе какого-то гибкого, перламутрового гриба лежали органы. Свежевырезанные. Человеческое сердце, ещё слабо пульсирующее. Лёгкое, покрытое уже не альвеолами,

а мелкими, кристаллическими почками. И часть мозга, пронизанная тончайшими нитями серебристого мицелия.

«Мы приносим тебе боль, – прошептал трёхтельный, и голоса его звучали в странной гармонии. – Боль тех, кого мы осчастливили изменением. Она чиста. Не фильтрована страхом старого мира. Это боль становления. Прими её. Пусть твоя пустота освятит её, и она станет семенем для следующего шага.»

Они не ждали, что он возьмёт дары. Они положили лист на землю, на границе зоны, где трава уже начинала сереть и каменеть от близости Виктора. Это был ритуал подношения. Попытка накормить ноль, чтобы получить в ответ бесконечность.

Виктор посмотрел на органы. Посмотрел на Апостола. Потом, без выражения, просто сделал шаг вперёд – не к дарам, а мимо них, в сторону, откуда пришли гибриды. Его движение было не согласием. Это было отсутствием сопротивления. Пассивное принятие того, что будет.

Апостол воспринял это как знак. Его лицо озарилось восторгом. Он поднял руку, и его яйцеводы затрепетали, выпуская в воздух облачко липкой, переливающейся всеми цветами пыльцы.

«Он идёт! Сосед идёт! Готовьте Путь!»

Процессия двинулась. Гибриды шли не впереди, а вокруг Виктора, на почтительном расстоянии, как свита. Их тела реагировали на его пустоту. У одного из них на боку, обращён-

ном к Виктору, кожа начала свёртываться, теряя пигмент, становясь похожей на пергамент. Но гибрид не испытывал боли – он с благоговением касался этого участка, как будто это было стигматом.

А земля под их ногами начинала сходиться с ума.

Виктор шёл, и его пустота, как магнит, притягивала к себе хаотическую мутагенную энергию «Детей». Но вместо того чтобы гасить её, она переформатировала. Без воли, без цели – просто по закону резонанса.

Дерево, мимо которого они прошли, скривилось, его ветви сложились в уродливую пародию на человеческий скелет, застывший в позе мольбы. Птица, пролетевшая над головой Виктора, вдруг ударилась о землю и начала биться в конвульсиях, из её горла вырывался один и тот же, навязчивый звук – обрывок женского смеха, точная копия смеха женщины, которую Виктор знал за десять лет до Латрейля и давно забыл. Птица издыхала, повторяя этот смех, пока её клюв не заполнился кровью.

У деревенского сторожа, случайно увидевшего процессию из укрытия, на ладони начали прорастать лишние пальцы – бледные, без ногтей, беспомощно шевелящиеся. Он не кричал. Он смотрел на них с тупым ужасом, чувствуя, как в его мозгу всплывают чужие, обрывчатые воспоминания – вид из окна на горы, которых он никогда не видел, вкус конкретного сорта яблок, чувство вины за поступок, которого не совершал. Это были осколки из глубинной памяти Виктора, вы-

рванные на поверхность мутагенным полем и впечатанные в плоть случайного свидетеля.

«Смотрите! – восторженно шептал Апостол, наблюдая, как на их пути расцветают эти уродливые, некорректные копии. – Он не просто ведёт. Он творит! Его пустота – матрица. Она берёт суть нашего становления и проецирует её на мир, но... но в ином ключе! Это не мутация! Это откровение!»

Он был неправ. Это не было творением. Это была утечка. Абсолютный ноль Виктора сталкивался с бешеной энергией трансформации, и на границе этого столкновения реальность глючила, порождая карикатуры на то, что когда-то было живым в его поглощённой памяти.

Апостол же видел в этом священный символизм. Он приказал другим гибридам начинать ритуал осеменения. Они хватали редких встречных – беженцев, бандитов – и не убивали их. Они разрезали их кожу и прикладывали к ранам свои мутировавшие органы, выпуская споры, личинки, изменённые клетки. «Прими благую весть! Стань частью хора!» – шептали они жертвам, которые заходились в немом ужасе, чувствуя, как под их кожей начинает шевелиться, расти чужая плоть.

Это была симбиотическая ферма страдания, живой конвейер по производству новой биомассы и новой боли – не для наркотика, а для расширения сада. И в центре этого шествия, невинный и страшный, шёл их пророк – пустой сосуд, на который они проецировали свои надежды на второе рож-

дение мира. Они не знали, что ведут к «Колыбели» не спасителя.

Они вели самоубийцу.

Глава 3: Подземный собор

Тоннели здесь были невырытыми. Они были выделенными – словно гигантский червь, пожирая породу, оставил после себя гладкие, блестящие стены, покрытые наплывами окаменевшей слизи. Воздух был не просто спёртым. Он был густым, как бульон, и сладковато-кислым на вкус. Кирка провёл факелом по стене – пламя отозвалось зелёным отблеском на странных, вкраплённых в камень окаменелостях, похожих на спиральные раковины моллюсков с человеческими зубами.

«Чувствуешь? – прошептал Бирка, прижимаясь к брату спиной. Его рука не дрожала на рукояти алебарды, но голос выдавал напряжение. – Словно нас смотрят из самого камня. И время здесь... липкое».

Он был прав. Карманные часы одного из гоблинов-разведчиков, механические и надёжные, то останавливались, то начинали бешено крутить стрелку вперёд. Тени от факелов двигались с едва заметным запаздыванием, будто свету тоже приходилось пробираться сквозь эту вязкую реальность.

Фотис шёл в середине отряда, зажмурившись. Его не столько пугала тьма, сколько гул. Не звук. Ощущение низкочастотной вибрации в костях, в зубах. Это был не голос. Это был вздох. Глубокий, растянутый на десятилетия, выдох незавершённой жизни.

«Это впереди, – сказал он, не открывая глаз. – Источник. Там... много боли. Много... незаконченного».

Они вышли в каверну. Но это слово не подходило. Это был Собор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.